

«Польский крестьянин в Европе и Америке»: социально-политические, биографические и научные контексты»

Елена Рождественская

Доктор социологических наук, профессор департамента социологии факультета социальных наук
Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
ведущий научный сотрудник Института социологии (ФНИСЦ) РАН
Адрес: ул. Мясницкая, до. 20, Москва, 101000.
E-mail: erozhdestvenskaya@hse.ru

Виктория Семенова

Доктор социологических наук, профессор ГАУГН,
главный научный сотрудник Института социологии (ФНИСЦ) РАН
Адрес: ул. Кржижановского 24/35, к.5, Москва, 117218
E-mail: victoria-sem@yandex.ru

Авторы фокусируются на истории известного социологического труда «Польский крестьянин в Европе и Америке», а также на биографиях обоих авторов — Уильяма Томаса и Флориана Знанецкого. Наложение биографического анализа на социально-политический контекст и работа в жанре научной биографии позволяют понять не только предысторию создания этого крупного социологического проекта, но и уточнить место социолога-интеллектуала в социальной жизни. Обращение к нелинейной судьбе этого произведения продиктовано драматизмом его реализации и восприятия научной публикой. Авторы с опорой на сложившиеся научные комментарии реконструируют этот процесс: от описания социально-политического контекста, обстоятельств научных карьер обоих авторов до биографических фактов и контура их общего труда.

Обсуждая процесс ретрансляции научного знания, авторы рассматривают рецепцию идей У. Томаса и Ф. Знанецкого в ходе восприятия и укоренения качественно-интерпретативной социологии в России. Здесь существенный интерес приобретают сами способы трансляции понятий и идей, т.е. не только перевод отдельных научных трудов, но сам порядок встраивания идей в контекст «принимающей» научной среды. Более конкретно рассматривается феномен асимметрии (больше Знанецкого, меньше Томаса), которая сопровождала дальнейшую научную судьбу обоих авторов, причем в контекстах различных национальных научных школ, и прежде всего России.

Ключевые слова: «Польский крестьянин в Европе и Америке», научные биографии, Уильям Томас, Флориан Знанецкий, Чикагская школа, российская качественная социология

Социально-политические и биографические контексты

В рамках любой научной школы возникает важная задача — определиться с ключевыми концепциями, важнейшими текстами, их раскрывающими, с синклитом имен, ее представляющих. Для российской качественной социологии таким текстом является многотомный труд У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке». Мы обращаемся в этой статье к биографиям обоих авто-

ров, поскольку в зеркале научной биографии можно понять, как формировался крупный исследовательский и интеллектуальный проект, который сегодня признан классическим. Но продиктовано это обращение нелинейной судьбой не только самого произведения, драматическим образом формировавшегося замысла, проблематики, издания и восприятия научной публикой. Со временем в истории социологии и процессе рецепции этого классического труда в России произошла интересная аберрация — у складывавшегося по инициативе У. Томаса авторского тандема постепенно в памяти последующих поколений в большей степени осталось имя Ф. Знанецкого. Как это произошло?

Итак, известнейший труд Томаса и Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», визитная карточка ранней американской социологии в формате Чикагской школы 1920-х годов, фокусировался на проблеме, которая и сегодня является центральной — проблеме миграции. Эта широко цитируемая работа побуждает обратиться к реконструкции ее происхождения. Подобную задачу можно решить разнообразными путями, среди которых нам кажется наиболее важным изучение собственно биографических аспектов интеллектуального пути обоих авторов, а также рецепция научных сюжетов, помещенных авторами в центр рассмотрения, в российской социологии. Но прежде о социально-политическом значении «Польского крестьянина в Европе и Америке» в целом в контексте американской научной школы.

Труд «Польский крестьянин в Европе и Америке»¹ интересен с точки зрения поиска Чикагской школой социологии своей идентичности. Норберт Уилли, посвятивший анализу Чикагской школы ряд текстов (Wiley, 1979, 1986, 2006, 2007), приписывает этой монументальной работе особый смысл: «Эта книга определила исследовательское поле Чикагской школы и объяснила, что такое социология. Это также очень политическая книга, поскольку представляет собой ответ на радикальные антииммигрантские, нативистские настроения того периода. Томас и Знанецкий выбрали американского аутсайдера для своих исследований, и их анализ с его эгалитарными выводами показывает, что с поляками обходились несправедливо в американской жизни» (Wiley, 2015: 41). По сути, Уилли формулирует политический импульс этой работы как совместный продукт эгалитарных установок и самого У. Томаса, и польского национализма Ф. Знанецкого, простимулированный идеологией нативизма² в период примерно с 1915 по 1925 год, который затем трансформировался в движение «американизации» (Ibid., со ссылками на работы: Ross, 1994; Hawes, 1968; Cravens, 1988; Pickus, 2005). Иными словами, Уилли рассматривает ключевые идеи Чикагской школы с политической точки зрения как ответ на угрозу демократии со стороны таким образом понимаемой американизации (в духе нативизма). Это и сформировало то, что называется в науке «школой». В таком свете теоретические положения Чикагской школы приобретают характер политического заявления.

1. Далее в сокращенном виде ПК.

2. Нативизм — движение, политика, идеология защиты титульного этноса против иммиграции.

Книга ПК стала переходным этапом между формированием Чикагской школы в первые годы ее существования и устойчиво-успешным последующим функционированием. Томас и Знанецкий, столкнувшись с проблемой принудительной американизации, представили в своем проекте аргумент, который будет подхвачен либеральными социологами (особенно в Университете Чикаго) в течение следующих 10–20 лет. Авторы противостояли подходу «упорядочения и запрещения» (Thomas, Znaniecki, 1918–1920: 3). Предполагалось, что иммигрантам из «низших групп» следует предоставлять гражданство второго класса, придерживаясь небольших квот. Напротив, социально-психологическая теория «Я», разрабатываемая Томасом и подразумевающая схему «установки–ценности», оказалась эгалитарной точкой зрения. Акцент на семиотическом или символическом характере взаимодействия и сделал Чикагскую школу столь великолепной (Wiley, 2015: 68). Заслуга этой школы состояла в том, что они дали политическую оценку Конституции Соединенных Штатов, а также сформулировали продуктивную для социальной теории идею. В политическом плане это помогло остановить распространение фашизма в Соединенных Штатах сразу после Первой мировой войны. Хотя все еще не было ясно, в каком смысле чернокожие были равны белым, если «все люди равны». Так, Н. Уилли пафосно заключает, что, когда представители социальной науки, возглавляющие Чикагскую школу, объяснили, что происходит с онтологией «Я», уравнивающей всех индивидов, они разрешили проблему гражданской войны (Wiley, 2015: 67).

Но если Чикагская школа была адекватна 1920-м годам, то, увы, она плохо адаптировалась к 1930-м годам. Великая депрессия, поворот к макропроблемам и классам оказались трудным для объяснений представителями Чикагской школы. Впрочем, Уилли находит важный аргумент: с его точки зрения, Гитлер вынашивал не только планы мировой экспансии, «но еще более был озабочен статусом, этнической принадлежностью, расой, религией и, предположительно, биологической основой их различий. Другими словами, он был близок движению американизации и нативизма в Соединенных Штатах. Или, иными словами, Гитлер являл собой более серьезную версию той же угрозы, которой Чикагская школа занималась в 1920-х годах (Wiley, 2015: 68). Не сильно преувеличивая, можно сказать, что Чикагская школа «вакцинировала» США против немецкого национал-социализма, преодолевая собственный этнический фашизм.

Итак, исследования ПК несли в себе важный эмансипаторный посыл, смещающий фокус от биологизаторства к социальному характеру взаимодействия, однако биографический импульс этой работы вовсе не кажется столь очевидным с точки зрения интеллектуальной логики ее авторов.

Уильям Томас

Уильям Томас провел 1895–1907 годы в Чикагском университете, сначала изучая, а потом преподавая сравнительную этнологию непромышленных обществ. Будучи специалистом по институционализму в социальной психологии, Томас из-

учал социальные обычаи и практики. Что же развернуло автора к масштабному замыслу «Польского крестьянина...»? Хотя об интеллектуальном и биографическом пути Томаса написан ряд текстов (Faris, 1948; Young, 1963; Janowitz, 1966; Deegan and Burger, 2008), все же рассмотрим некоторые факты его биографии подробнее

До 1893 года Томас был профессором английского языка, и когда он приехал в Чикаго, намереваясь стать социологом, его первое исследование было из области биологии: докторская диссертация «О различии в метаболизме полов» касалась почти исключительно биологических различий. Однако в ней Томас представил биологию в диалоге с социальным исследованием. В статье «Области и метод народной психологии» (1896) он настаивал на том, что биологический анализ, в частности, новая биологическая психология Вундта должны быть дополнены исследованием социальной среды. Впрочем, уже следующая книга Томаса «Источники социального происхождения» (1909) содержала теорию социальной эволюции с точки зрения внимания, контроля, привычки, кризиса и подражания — терминов, которыми оперирует прагматическая психология Джеймса, Дьюи, Болдуина и других. Проблема личности и группы в ней упоминается, но не занимает центрального места. В комментариях к «Источникам социального происхождения» Томас выступал за историцистскую и процессуальную теорию культуры, которая критиковала имманентный эволюционизм Спенсера, опираясь в основном на Вестермарка, Тэйлора, Моргана, Риверса и других основателей современной антропологии. Таким образом, в работах Томаса до 1910 года мы видим удивительно мало из того, что привело бы к появлению ПК. Скорее, Томаса интересовала тогда собственно социальная реальность, а не теории ее развития.

Тем не менее непосредственные основы польского проекта, как показал Р. Хэрл (Haerle, 1991), были заложены около 1910 года. Спонсор Томаса — бизнесвумен по недвижимости Хелен Калвер, с которой Томас был знаком с середины 1890-х годов, заключает с ним соглашение о финансировании независимых исследований по «расовой психологии» в течение одного квартала в год» на сумму около 7000 долларов США на срок 5 лет. Большая часть этих денег была использована Томасом в его поездках по Европе в 1910–1914 годах, по их результатам он напишет программную статью «Расовая психология» (Thomas, 1912), в которой фактически было предложено сотрудничество европейским ученым. Речь шла об эмпирическом, сравнительном и индуктивном исследовании, в котором было бы полезно использовать документы как источник информации, а также подчеркивалась важность индивидуальной психологии при анализе институтов. Но в этой статье еще нет постановки проблемы, для решения которой потребуются более поздняя концепция «организации жизни» социального «Я»: в ней мало обсуждаются традиция, контроль и дезорганизация.

Выбор в качестве кейса Польши не был столь однозначным и, мало того, единственным — авторы А. Эббот и Р. Иглофф (Abbott, Egloff, 2008: 229) ссылаются на переписку Уильяма Томаса с Сэмюэлем Харпером, экспертом по русскому

и украинскому крестьянству, которая показывает: с середины 1912 года Томас планировал серию публикаций, возможно, с отдельными авторами, о европейских крестьянах: поляках, русских, венграх, словаках, румынах, итальянцах, ирландцах и евреях. Это были бы, по его словам, «энциклопедии», но с некоторой интерпретацией фактов. Эта энциклопедическая серия в целом могла бы служить массивом данных для размышлений об иммиграции или сравнения с положением афроамериканцев в США. Реализуя идею этого проекта, Томас провел в Европе часть 1910–1911 годов, и с июля 1912 года до середины весны 1913 года, возвращаясь в Чикаго только весной. Первый год он находился в основном в Вене, а второй — в Польше. К концу осени 1912 года он ограничил проект изучением России, Польши (в первую очередь), Италии и Германии, тогда как С. Харпер больше внимания уделял только России.

Однако спустя девять месяцев Европа находилась уже в состоянии войны. У Томаса не осталось выбора: война означала, что в Европе не могут быть собраны дополнительные документы, поэтому их поиск переместился в Америку. Единственными группами, доступными для исследования, оказались польские иммигранты в Чикаго, поскольку Томас еще до войны вступил в контакт с их эмигрантскими организациями. Одновременно Флориан Знанецкий с 1911 по 1914 год был главой общества защиты эмигрантов в Варшаве. Таким образом, обоюдная встроенность в сеть мигрантских контактов сыграла решающую роль, а война лишь сделала миграцию неизбежным фокусом исследования. Наконец, сравнительная расовая психология уже перестала быть теоретическим основанием, потребовалась новая теория, которой стала «Социальная психология».

Как пишут Эббот и Иглофф, отъезд Томаса из Чикаго в апреле 1918 года превратил его в легенду для многих поколений социологов: знаменитость без академического статуса, уволенный из университета за аморальное поведение³, ученый, собравший уникальные данные (Abbott, Egloff, 2008: 218). К тому же Томас был абсолютно равнодушен к авторскому праву на свои идеи. «Я не считаю себя настолько значимым. Я не хочу, чтобы меня заметили. Меня не волнует, публикуются ли мои слова» (Raushenbush, 1979: 92).

В переписке ученый выражал смущение относительно многолетних дебатов о том, кто писал те или иные разделы труда ПК. Он не стал публично опровергать ложную атрибуцию труда «Перенесенные черты старого мира» Роберту Парку и Герберту Миллеру. Также Томас предложил передать соавторство в исследовании «Неприспособленная девушка» (The Unadjusted Girl) Мириам Ван Уотерс без каких-либо ограничений и уточнений (Abbott, Egloff, 2008: 219). Показательно, что авторство знаменитой формулы «Если люди определяют ситуации как реаль-

3. Томас покинул Чикагский университет в апреле 1918 года. И причиной тому был скандал, связанный с адюльтером. Обнаруженный в городском отеле с женщиной, чей муж находился на военной службе за границей, Томас был обвинен в аморальном поведении в соответствии с законом Манна и уволен из университета несколько дней спустя. Затем был вынесен оправдательный приговор благодаря давлению со стороны филантропа Хелен Калвер, которая была не только главным спонсором этого проекта — «Польского крестьянина...» — но и основным донором университета.

ные, они реальны по своим последствиям» оспаривается до сих пор⁴ (Thomas, Thomas, 1928: 572), а его масштабный институциональный вклад в американскую социальную науку — основание научной школы «Культура и личность» благодаря его деятельности в научном совете по социологии в конце 1920-х — начале 1930-х годов — почти полностью забыт.

Дело Мириам Ван Уотерс раскрывает и другие качества Томаса — его «интеллектуальное бродяжничество». Причина, по которой он наделил Этель Стургс Даммер, своего личного спонсора, правом передать Ван Уотерс все его материалы по исследованию «Неприспособленная девушка», заключалась в том, что он увлекся психоанализом и хотел написать об этом книгу. На протяжении всей своей жизни Томас постоянно менял свои интеллектуальные пристрастия (см.: Murray, 1988), научные дисциплины (от классической филологии до английской литературы и народной психологии с социологией) и места жительства (Илк Гарден, штат Виргиния, Морристаун, штат Теннесси, Кноксвилль в Берлине, Геттинген, Оберлин, Чикаго, Нью-Йорк, Беркли, не считая нескольких длинных европейских турне). Как пишут Эббот и Иглофф: «Это бродяжничество Томаса разочаровало многих, кто изучал его творчество: если бы он был более систематичен, если бы доводил свои исследования до конца, если бы только вышел за пределы интерпретации и занялся анализом и теорией... Если бы он только играл по новым академическим правилам о принадлежности идей... Томас выглядит для нас как... бродяга, кочующий с одного места на другое, с одной идеи или автора на другую» (Abbott, Egloff, 2008: 255). Впрочем, он полагал себя «творческим человеком», поскольку «[В] творческом человеке эта беспорядочность выражается в постановке и решении задач, в создании новых идей» (Thomas, 1917: 180).

Очевидно, что Томас никогда не был системным теоретиком, не стремился построить фундаментальную концепцию, использовал понятия эклектично и часто противоречиво, ради интерпретации как способа познания социальной реальности. Томас никогда не употреблял слово «теория» для обозначения концептуальных схем, скорее, в качестве «точки зрения». В начале 1920-х годов Томас обсуждал бихевиоризм, психоанализ и спиритуализм с разными собеседниками — Флорианом Знанецким, Дороти Свайн Томас, Робертом Парком (Abbott, Egloff, 2008: 220). Мы бы назвали его сегодня «всеядным постмодернистом», значение личности и наследия которого — во влиянии на умы, на десятки последователей с 1910 по 1940 год. Это был период, когда социальные науки еще были далеки от привычного нам институционализированного формата, привлекая множество дилетантов и филантропов. Но в зеркале его научной биографии отразилось формирование крупного исследовательского и интеллектуального проекта, который сегодня признан классическим.

4. «Теорема Томаса», как назвал апофтегму Р. Мертон (Merton, 1995), также приписывается Дороти Свайн Томас (вторая супруга и соавтор Томаса) и Знанецкому (см. цитату Говарда Беккера в: Thomas, 1986: 327). Основная идея сначала появляется у Томаса в концепции «определения ситуации», которая датируется 1917 годом.

Флориан Знанецкий

В начале 1913 года Томас встречается с Флорианом Знанецким, главой Общества защиты эмигрантов в Варшаве. Он приглашает Знанецкого в качестве исследователя и соавтора в Чикаго, куда последний и перебрался в сентябре 1914 года. Так 32-летний философ Знанецкий стал научным помощником Томаса, а после 1915 года — его сотрудником вплоть до 1920 года. Весьма вероятно, что именно Знанецкий написал вступительную статью про «первичные группы» для ПК и основной проект текста методологической аргументации (подробное обсуждение авторства см. в диссертации E. Thomas, 1986: 5).

Во время работы над ПК, как пишет Уилли, Томас пытался помочь Знанецкому получить докторскую степень и способствовал тому, чтобы Знанецкий мог посещать семинары в департаменте социологии (Wiley, 2015: 53). Однако через месяц профессора попросили Томаса передать Знанецкому, что он больше не может приходить на занятия. Очевидно, они посчитали, что Знанецкий уже достаточно образован и широко известен своими публикациями, чтобы сидеть в аудитории как студент. Тем не менее последствия были серьезны, поскольку это означало, что Знанецкий не сможет получить степень в департаменте социологии, а без нее — академическую работу в Америке. Другая проблема заключалась в том, что он не был принят большой польской общиной в Чикаго. Как он сам писал позже: «Я испытал полное разочарование в американских поляках, которые, как мне показалось при первом контакте, не сохранили ни одной из положительных черт поляков в Польше и, напротив, приобрели в огромном количестве то негативное, что в настоящее время ассоциируется у европейцев с американским обществом. Не только стандарты интеллектуальных ценностей были очень низкими, но и любые их требования оказались монополизированы образованными или полуобразованными иммигрантами, которые и смотрели на меня как на нежелательного конкурента» (Znaniński, 1920: 6).

Если бы Знанецкий был принят местной польской общиной, это могло бы помочь ему и в Чикагском университете расширить круг этнически близких коллег. Но вместо этого он оказался нежелательным и в университете, и в городе. Другой негативный момент — утратившая силу рекомендация Томаса, из-за удара по его репутации истории с адюльтером и потерей Томасом работы в Чикагском университете.

Нет сомнений в том, что Знанецкий внес большой интеллектуальный вклад в ПК и подготовил существенные части текста, но, по мнению Эббота и Иглоффа, Знанецкий вряд ли был автором центральной концепции ПК (Abbott, Egloff, 2008: 231). В прошлом творчестве Знанецкого не обнаруживалось постоянного интереса к анализу документов. Его предыдущие, да и последующие работы, его концепция культурных систем, демонстрируют склонность к абстрактному теоретизированию, но не к интерпретации. Одно из косвенных доказательств, которое приводят упомянутые авторы, это описание читаемых именно Томасом в 1914 году курсов (Abbott, Egloff, 2008: 232): это «Социальное происхождение», «Психическое развитие расы» и «Иммигрант», курс «Пол в социальном происхождении» был заменен

на «Проституция», курс «Разум негра» он уступил Роберту Парку (который переименовал его в «Негр в Америке»), новые курсы «Социальные отношения», «Психология дивергентных типов» и «Еврей». Все три новых курса Томаса явно корреспондировали с его исследовательской программой о европейских крестьянах. Так, в курсе «Социальные отношения» подчеркивалась важность «этнографических материалов, биографий и личных документов»; курс «Дивергентные типы» охватывал, среди прочего, «цыган, парий», «бедных белых», «русское» сообщество нищих, а также «бродяг, хобо, преступников, проституток, ментальных инвалидов и гениев» (Ibid.). Преамбула к описанию курсов гласила, что они нацелены на то, чтобы:

- 1) определить и проиллюстрировать метод,
- 2) анализировать основные элементы социальных установок, привычек и способов поведения,
- 3) определить расовые и индивидуальные темпераменты и установки,
- 4) описать и объяснить процессы социального взаимодействия, с помощью которых
- 5) индивиды и группы людей обретают самосознание и демонстрируют моральные различия и индивидуальность, и
- 6) социальные отношения индивидов — их настроения, привычки и техники — модифицируются, обобщаются и передаются в виде обычаев, условностей и традиций в качестве социального наследования,
- 7) изучать с помощью биографий, писем, психоаналитических записей и других личных документов внутреннюю жизнь, разнообразные типы человеческого поведения, представленные у индивидов и изолированных групп, определять влияние традиционных барьеров, социального давления и профессиональных интересов на естественные склонности и темпераменты, а также роль этих факторов в формировании характера индивидуумов и черт групп, рас и национальностей (Abbott, Egloff, 2008: 233).

В этом описании в целом уже присутствуют все определяющие характеристики ПК: использование формата кейсов, биографических и этнографических материалов, одновременное внимание к индивидуальному и групповому сознанию и их совместный анализ, акцент на процессе и темпоральности, отдельный сюжет девиантных типов.

«Польский крестьянин в Европе и Америке» как издание

«Польский крестьянин в Европе и Америке» представляет собой текст из 2200 страниц, первоначально в пяти томах (Thomas, Znaniecki, 1918–1921). Его публикация была осложнена тем фактом, что Томас покинул Чикагский университет в апреле 1918 года, в середине этого издательского процесса (причиной был упомянутый скандал, связанный с адюльтером)⁵. Позже Томаса оправдали, в основном

5. Н. Уилли привлекает внимание к этому вроде частному событию, но имевшему колоссальные последствия для судьбы многотомника ПК и расклада научных сил в самой Чикагской школе. Он

благодаря давлению со стороны филантропа Хелен Калвер, которая была не только главным спонсором этого проекта, но и основным донором университета⁶. В результате университет получил довольно щедрое финансирование, на средства которого Томас смог издать первые тома ПК. Остальные три тома ПК были опубликованы издателем Ричардом Бадгером в Бостоне. Средства от контракта Томаса с Бадгером уже давно были исчерпаны, но Бадгер выпустил «Пол и общество», «Источники по социальному происхождению» и тома 3, 4 и 5 ПК в собственной редакции, допечатывая экземпляры до 1930-х годов. К концу 1920-х годов Томас смог договориться о новом отредактированном издании ПК в двух томах в издательстве Кнопф (Thomas, Znaniecki, 1927).

Первоначальный издательский план ПК, весьма затратный, состоял из восьми томов, и его дизайн сильно отличается от пятитомной версии, впоследствии переработанной и опубликованной в двухтомнике издательства Кнопф. Эти сокращения, произведенные из-за сомнений относительно прибыли многотомника, содержательно затронули в большей степени характеристики Польши в целом, но не сюжеты о крестьянстве.

Книга, которая возникла в результате этого сложного процесса, имеет ряд разделов. Первый — основной — касается «сообщества первичной группы», этим термином Томас и Знанецкий обозначали сообщество, где индивиды подчинены правилам расширенной семьи. Анализ был основан на более чем 700 письмах польских семей, адресованных польским иммигрантам в Америке. Объявления о сборе писем появились в польских газетах в Чикаго, и Томас и Знанецкий платили от 10 до 20 центов за страницу письма. Письма были переписаны, переведены и опубликованы серийно по принадлежности к одной семье (в некоторых случаях представлены десятки писем членов одного семейства), каждая серия сопровождалась комментарием авторов издания. Как и все документальные данные в ПК, для экономии места письма напечатаны 10 кеглем.

Анализ «первичной группы» традиционного общества занял первые два тома ПК. Третий том описывал историю жизни Владека Вишневого, молодого человека из крестьян, который стал учеником, затем подмастерьем и, наконец, мастером-

пишет, что «это повредило книге настолько, что издательство Чикагского университета отменило свое соглашение о публикации последних трех из пяти томов, заставив Томаса и Знанецкого найти другого издателя. Пресса также решила не рекламировать первые два тома, которые уже были напечатаны. Томас и Знанецкий должны были искать другой способ распространения. Университет уничтожил персональное дело Томаса (об этом пишет также Janowitz, 1966: 1x). Другими словами, Томас действительно стал социальным изгоем после того дня в отеле «Бреверт» в центре Чикаго. Если бы Томас не был пойман на отношениях с женой офицера американской армии в годы Первой мировой войны, или если бы университет не был так жесток с ним, он бы продолжил свою звездную карьеру в департаменте социологии. И Знанецкий, возможно, перешел бы к нему. Это поставило бы команду Томаса и Знанецкого рядом с Парком и Берджессом, тем самым укрепив департамент еще больше — что существенно изменило бы историю американской социологии» (Wiley, 2015:43).

6. Х. Калвер передала около 40 000 долларов на проект ПК. Первоначальная договоренность с попечителями составляла до 7000 долл. США в год в течение пяти лет (Haerle, 1991). В целом Х. Калвер предоставила университету более миллиона долларов в 1890-х годах, в основном в виде пожертвований на инфраструктуру исследований в области биологии (Abbott, Egloff, 2008: 228).

пекарем еще до того, как, чтобы избежать судьбы своих братьев и сестер и поддерживать своих пожилых родителей, эмигрировал в Америку. Двухсотстраничному тексту — собранию писем Владека предшествует введение на ста страницах, а также непрерывный комментарий и интерпретации в сносках. Это самый читаемый и во многом самый убедительный из всех томов многотомника, прежде всего благодаря тому, что он точно отражает тип определенного сознания и конфигурацию социальных миров, незнакомых большинству читателей.

Том четвертый — анализ социальной дезорганизации и реорганизации в Польше. Здесь представлены рассказы и письма из местных польских газет, собранные во время полевой работы. Они касались самых разнообразных сюжетов: криминальные истории, школьные очерки, описания радикальных групп, манифестации старых и новых ценностей. Нарративы были организованы вокруг таких социальных институтов, как семья, сообщество, церковь, усадьба, пресса и кооператив. Но авторы никогда не рассматривали эти институты как фиксированные системы правил, а скорее, как меняющиеся под влиянием смещения ценностей и взглядов социальные схемы. По сути, это монументальная интерпретативная записная книжка, содержащая в основном биографический материал об индивидах и социальных группах, исследующая массовый процесс социальных изменений путем изучения смещающихся моделей индивидуального и общественного сознания, которые и осуществляют подобные изменения.

В пятом томе ПК анализировались схожие изменения, но уже относительно дезорганизации и реорганизации социальной жизни иммигрантов в Америке. В качестве источника рассматривались документы различных местных церквей, Польского национального альянса и других заметных общественных и религиозных организаций. Для изучения процессов «дезорганизации» использовались документы учреждений социального обеспечения, общества юридической помощи, судов по уголовным делам и делам несовершеннолетних, а также коронерской службы.

В многотомник ПК вошел методологический текст, хотя и созданный после окончания работы над двумя первыми томами, но в результате помещенный в начало. Он состоит из трех разделов: общее обсуждение философии науки, формальная теория взаимосвязи индивидуальной и групповой психологии с опорой на понятия «установка» и «социальная ценность», и перспективы изучения теории организаций в различных социальных науках. Аргументация, разработанная в методологической части (и повторенная во введении к истории жизни Владека), предоставила концептуальный словарь для описания взаимообусловленности индивидов и социальных групп в процессе социальных изменений. В отличие от аргументации друга Томаса — Джорджа Герберта Мида, она была привязана или укоренена в актуальных на тот момент социальных проблемах и соответствовала тогдашней социологии — теории организации, дезорганизации и реорганизации, а также динамичным взглядам на социальную мотивацию. Свои мысли по поводу дезорганизации и реорганизации Томас назвал точкой зрения на смену социальных ценностей в тигле социальных изменений. Научный потенциал

подобной аргументации был негативно оценен Гербертом Бламером в 1938 году (Blumer, 1939), но справедливости ради стоит сказать, что реальная сила подобных идей проявляется не сразу, а в результате бесконечного повторения при анализе конкретных эмпирических материалов и документов, составляющих тело текста. Это по совокупности постепенно приводит читателя к осознанию масштаба изменений, в которые вовлечены отдельные индивиды и социальные группы.

Как полагает Ферис, критические замечания к ПК имеют отношение к замыслу, который следовало бы существенно сократить, и к эмпирике, слишком обширной для обработки (количество писем). Кроме того, методология анализа писем и историй жизни не была достаточно четко интегрирована в авторскую теорию установки и ценностей. Из-за этой слабой интеграции большинство читают в основном «методологическую записку/аргумент», то есть раздел теории, и лишь просматривают последующие 2164 страницы по этнографии и личным документам (Farris, 1967: 18).

Помимо схемы «установка–ценность» у Томаса и Знанецкого была вторая, более конкретная и, возможно, менее убедительная теория «четырёх желаний», в перспективе — теория мотивации, которая сделала бы ненужным обращение к человеческим инстинктам. Возможно, Томас и Знанецкий не довели свои идеи до логического завершения. После того, как книга была опубликована, оба автора в каком-то смысле конкурировали в своих публичных заявлениях и выясняли, кто действительно написал книгу. Это добавило путаницы и способствовало амбивалентному восприятию работы их современниками-коллегами. Так, Парк и Берджесс не включили отрывки из «Польского крестьянина...» в свое «Введение в науку о социологии» (1921 и 1924 гг.). А Норберт Уилли полагал, что это приводило к принижению значения фактически основного достижения Чикагской школы того времени (Wiley, 2015: 55). Тем не менее именно Парк способствовал поддержке в 1927 году восстановления Томаса в позиции президента Американского социологического общества (Huges, 1980).

Итак, что оставили с точки зрения научного наследия Томас и Знанецкий? Они предложили методологию эмпирических исследований, операционализирующую теорию установок-ценностей для анализа личных документов. Они собрали значительное количество писем эмигрантов и реконструировали одну длинную историю жизни, которая принципиально основывалась на субъективности респондентов. Этот подход открыл доступ к польской эмигрантской общине и показал, как осуществить теоретизирование этой субкультуры. Представление об установке авторов ПК было довольно близко понятию Мида о социальном, а также понятию Гуссерля о значении или «интенции». Понятие ценности, в свою очередь, было примерно таким же, как антропологическое понятие Боаса о культуре. Иными словами, они определили область социологии, прояснив ее предмет. Сообщение, установка и ценность имели в их интерпретации более широкие значения, чем те, которые используются сегодня. В настоящее время установка означает нечто вроде предрасположенности к действию, Томас и Знанецкий же используют этот термин шире, отсылая к различным аспектам разума, а не только предрасположенности. В ПК ценность

также означала любые культурные символы, то есть когнитивные, эмоциональные, эстетические, то есть имела более абстрактный, обобщенный смысл, чем сегодня.

Российская рецепция «Польского крестьянина в Европе и Америке»: больше Знанецкого, меньше Томаса

Становление поля качественных исследований как за рубежом, так и в России предполагают экспорт и импорт разнообразных научных подходов и идей. Это обстоятельство оказалось конгруэнтно духу и смыслу обсуждаемого труда «Польский крестьянин в Европе и Америке». Фактически это направление так и развивалось: как миграция теоретической мысли между Северной Америкой и Европой, как миграции/эмиграции отдельных значимых фигур (Apitzch, Inowlocki, 2000). В случае с качественно-интерпретативной социологией процесс экспорта и импорта (миграции) научного знания был осложнен методологической ориентацией практического знания на укорененность/локальность, социально-культурный контекст определенной социальной среды, на культурную дифференциацию, что приводит к культурному, лингвистическому и методологическому разнообразию всего поля, но, с другой стороны, затрудняет его становление как единой парадигмы (Flick, 2014). Как следствие, в этом процессе методологического взаимодействия национальных школ существенный интерес приобретают сами способы трансляции понятий и идей, т.е. не только перевод отдельных научных трудов, но сам «порядок экспорта», процедура встраивания идей в контекст «принимающей» среды, перевод не буквы, но смысла научного знания, соответствующего/несоответствующего определенному культурному контексту. В данном случае это вопрос о том, как новые направления и способы эмпирического социологического мышления, выработанные в одном социокультурном пространстве, воспринимаются и адаптируются в рамках иного социального контекста.

Если обратиться к темпоральному аспекту «вхождения» идей ПК в пространство российского социального знания, то произошло это достаточно поздно, начиная с 70–80-х годов прошлого века. Подобный процесс можно рассматривать в трех измерениях: 1) с позиции контекста, как доперестроечной и постперестроечной социокультурной ситуации в области гуманитарного знания (например, дискурс «критики буржуазной социологии», отношение научного сообщества к заимствованию «западного», господство «единомыслия» как единой идеологии и методологии познания); 2) с позиции запаздывающих гуманитаристских трендов в развитии профессионального сообщества и сложностей восприятия инновационных социологических трудов (например, устоявшаяся в социологии ориентация на марксистскую методологию в теории и традиции позитивизма в практике социальных исследований); 3) с позиции внутренней дифференциации профессионального сообщества на отдельные круги или школы в восприятии нового, «иногo», что обусловлено более конкретным индивидуализированным критерием — типом личности «человека знания» (выражение Знанецкого — см.: Знанецкий, 2013).

В данном случае темпоральный подход представляется наиболее адекватным, характеризующим процесс трансляции в соответствии с изменением общего социального климата, поскольку в научном дискурсе России имена Томаса и Знанецкого упоминались в ходе импортирования с Запада новых социологических воззрений и технологий параллельно процессу расширения прежних жестко ограниченных идеологических рамок социального знания.

В позднесоветский период, с конца 1970-х — до начала 1990-х годов, такие работы появлялись в рамках популярного тогда дискурса «критики буржуазной социологии». Поэтому важную роль в специфике данного процесса «импорта» идей сыграли «посредники», талантливые интерпретаторы концепций и понятий, присутствующих в первичных текстах, хорошо знакомые с западной социологией (Кон, 1979; Ионин, 1979). В своих работах они якобы в критическом ключе знакомили российскую аудиторию с историей западной социальной мысли и тем самым доносили идеи и воззрения, незнакомые русскому читателю. Все это преподносилось скорее в форме информационного источника, знания о «другом», новом методологическом направлении, существовавшем «где-то у них» в 20–40-х годах, и в качестве «незнаемого» и «чуждого» для устоявшейся парадигмы марксистско-ленинской социологии имело слабое отношение к теории, а тем более практике тогдашних отечественных исследований⁷.

В публикациях 1990-х — начала 2000-х в социологическом дискурсе стал популярен термин «гуманистическая социология», соотносимый в первую очередь с именами и наследием Томаса и Знанецкого. Интерес к понятию возник и институционализировался в социологии как обозначение направления в американской эмпирической социологии вследствие изменений как общесоциального контекста и под влиянием процессов демократизации в социальной жизни, так и изменений в социологическом знании и идеологии в связи с переориентацией на полипарадигмальный дискурс (В. А. Ядов). В социологических учебниках появился отдельный раздел — гуманистическая социология, где имена авторов ПК присутствовали в одном ряду с другими представителями Чикагской школы.

Необходимо подчеркнуть, что даже теперь, в иное социальное время, ПК как работу нельзя отнести к разряду наиболее обсуждаемых и цитируемых в корпусе современной российской социологической литературы. До настоящего времени ПК не переведен на русский язык полностью, а другие работы Томаса и Знанецкого представлены только в сокращенном переводе⁸.

7. Внутри профессионального сообщества единицами оказались те, у кого знакомство с подобными идеями буквально перевернуло их мировоззрение. Среди них — тогда молодой, а теперь известный исследователь Виктор Воронков. Как отмечает теперь Воронков в своем интервью, «я познакомился с работами Леонида Ионина конца 70-х (!), он писал о феноменологической перспективе в социологии (конечно, в жанре критики), о понимающей социологии (по этой теме он защищался). Изложенные там идеи меня захватили. Я только поражался, как равнодушно прошла мимо них советская социология, и сам Ионин в том числе» (Воронков, 2009).

8. Так, первая переведенная на русский язык статья Ф. Знанецкого появилась в журнале «Социологические исследования» в 1989 году, это была сугубо эмпирическая работа: «Мемуары как объект

Складывается парадоксальная картина: большинство учебных стандартов по истории социологии содержат главу о «гуманистической социологии», где имена Томаса и Знанецкого сопряжены с идеями Чикагской школы и исторически рассматриваются в рамках истории американской социологии 1920–1940-х годов, а самих текстов на российском рынке нет. Концептуально это можно связать с онтологическими различиями натурализма и культурализма как школ социального знания, в ходе которых формировались теоретические и методологические представления авторов о предмете социологии как науки. В свое время Знанецкий сформулировал свое представление о социологии как «частной науке о культуре с собственным эмпирическим полем» (Знанецкий, 1996: 68), которая обладает «специальным» углом зрения на взаимодействие человека и культуры и базируется на четырех «полях» социальной реконструкции: теории социальных действий, теории социальных групп, теории социальных персонажей и теории социальных систем (Знанецкий, 1996). При этом надо сказать, что Знанецкому в российском поле «повезло» больше, чем Томасу. Его методологические работы появились значительно раньше, о чем упоминалось выше, да и национальная близость российской и польской социологии позволила его имени легче вписаться в контекст отечественной социологии. Имя Уильяма Томаса и его позиция «интеллектуального бродяжничества» привели к тому, что его вклад по-прежнему больше ограничивается опосредованным для русского читателя знанием: больше «именем», чем работами, несмотря на известность их общего труда. Он скорее известен как автор «теоремы Томаса»⁹.

Показательно, что в суммировании итогов развития польской национальной школы качественных исследований, имеющей славную традицию биографики через национальные конкурсы (Томпсон, 1994: 51–62), современные исследователи-качественники, описывая вклад Знанецкого в связи с многотомным трудом ПК, вообще не затрагивают фигуры Томаса. Авторы объясняют склонность польских исследователей к собиранию автобиографий сугубо влиянием Знанецкого на польскую социологию, а также политической ситуацией в Польше: в течение всего XIX века Польша была нацией без государства (Konecki et al., 2005). «Первая и Вторая мировые войны уничтожили многие архивы, библиотеки и другие культурные ресурсы. Почти все конкурсы, в которых востребованы автобиографии,

исследования» (Знанецкий, 1989), где впервые в русскоязычной социологической литературе биография была упомянута как возможный объект анализа и интерпретации индивидуальных данных, его более широкие теоретико-методологические разработки были опубликованы в сокращенном переводе значительно позднее: «Исходные данные социологии» (Знанецкий, 1996) как перевод 3-й главы книги «Метод социологии» (Znaniencki, 1934) и «Методологические заметки» (Томас, Знанецкий, 1996) как введение к книге «Польский крестьянин в Европе и Америке».

9. До сих пор опубликована на русском только одна глава из криминологической книги У. Томаса «Неприспособленная девушка» (“The Unadjusted Girl”) (в переводе В. Николаева в журнале «Личность. Культура. Общество» в 2009 году (Томас, 2009)). Другие его значимые произведения, посвященные ситуативному анализу (The Scope and Method of Folk-Psychology (1896), The Gaming Instinct (1901), Sex and Society (1907), The Child in America (1928), Primitive Behaviour: An Introduction to the Social Science (1937), W. Thomas On Social Organization and Social Personality. Selected papers (1966)), так и остаются недоступными для русскоязычного читателя.

были связаны с патриотическими мотивами и отдельными перипетиями в истории страны. Патриотические рассказы оказались не только иллюстрацией недавнего прошлого конкретной нации, но и возможностью заполнить пробелы в исторических документах (Szczepanski, 1971: 587–588). В этом контексте строительства нации и государства выбор фигуры Знанецкого понятен.

Но то, что выглядит деколонизирующим поворотом в Польше, в российском научном поле нуждается в объяснении. Одно из них — предпосланный выше биографический анализ обеих фигур, перипетии их историй жизни, научных репутаций. И, разумеется, большую роль сыграла почти постмодернистская биография Томаса с его невписанностью в университетский истеблишмент, «номадическим» характером, пренебрежением авторством и пр. Его научная карьера была аномальной для своего времени. И со временем имя Знанецкого стало доминировать в этом авторском тандеме.

Кроме того, общие методологические разработки этих авторов — У. Томаса и Ф. Знанецкого — до сих пор присутствуют в российском поле только как знание «из вторых рук», в изложении и интерпретациях тех исследователей, кто имеет возможность ознакомиться с англоязычными текстами напрямую и транслировать их русскоязычному читателю с определенной личностной оценкой.

Возможно, основополагающим стимулом к методологическому «повороту» в поле качественно-интерпретативной парадигмы стали в первую очередь не переводы оригинальных текстов, но первые исследовательские проекты, осуществленные в стратегии качественных исследований при существенном влиянии труда «Польский крестьянин...». Имеется в виду в первую очередь коллективный проект по социальной мобильности россиян в трех поколениях (Судьбы людей: Россия XX века, 1996). Только с середины 1990-х методологическая концепция гуманистического знания дала стимул к появлению нового направления непосредственно в практике социологических исследований. На этой волне расширяется интерес к методологическому наследию ПК, чей вклад оценивается весьма высоко (Rozhdestvenskaya, Semenova, 2019). Следуя логике изучения адаптационного поведения польских мигрантов в условиях новых форм социальной организации и разрушения старого порядка социальных связей, исследователи начинают изучать влияние объективных факторов, и прежде всего социально-культурных трансформаций сквозь призму их субъективной интерпретации как объектно-субъектный процесс, где индивиды выступают как социальные агенты инновационных процессов соответственно своему толкованию событий. Такие исследования открыли новые познавательные возможности: позволили изучать локальные, немассовые процессы, частным случаем которых являются новые инновационные социальные явления, которые первоначально не приобретают форм массового поведения, особенно в условиях резких социальных изменений. Поисковая стратегия была сфокусирована на субъективной стороне процессов: что заставляло одних оставаться на прежних позициях, а других — резко менять свою социальную позицию? Как принималось решение? Каким образом это отразилось на их ценностном сознании?

Теперь уже с этой, эмпирической точки зрения, российские социологи и стали рассматривать и оценивать значимость основного труда Ф. Знанецкого и У. Томаса. Особенно высокую оценку исследователей-практиков получала его работа с первичными данными, она служила основанием и образцом для разработки собственных исследовательских стратегий. Труд «Польский крестьянин..» «содержал как сам первичный материал, то есть письма, так и его анализ по самым разным направлениям», — пишет В. Ф. Чеснокова, оценивая его значимость для практиков (Чеснокова, 2010: 193). «Но всеобщее признание Ф. Знанецкий получил не за материал и даже не за его анализ, а за методологическое введение к первому тому. Именно там появились понятия, ставшие в один ряд с самыми популярными концептами социологии XX века: ценность и установка. Они стимулировали бесчисленное количество эмпирических исследований, вошли практически во все социологические работы XX века» (Чеснокова, 2010: 193-194). Ее позиция такова: после ПК социологическая наука существенно обновилась и вышла из него обновленной. Она действительно превратилась в эмпирическую науку.

Современный этап интереса к работам американских авторов закономерно фокусируется уже на более сложном аспекте их методологической позиции — на принципах анализа первичных данных и прежде всего на обсуждении концепции аналитической индукции, принципов систематизации и классификации, которые входят в качестве отдельных направлений во все учебные пособия, посвященные гуманистической социологии, как руководство к практическому действию. Такие работы носят скорее учебный характер и ориентированы на то, чтобы на примере исследовательской тактики Томаса и Знанецкого в ПК описать весь ход исследовательского проекта от выбора источников личностной информации до стратегии проведения поля и способа анализа полученных данных (Девятко, 2009; Семенова, 2009; Рождественская, 2012).

Со временем в России появились и собственные методологические разработки, свои учебники по качественным методам (Семенова, 1998; Семенова, 2009; Рождественская, 2004; Готлиб, 2002 и др.) и свои периодические издания (журналы ИНТЕР, «Лабораториум»), вместе с тем в начале пути экспорт качественно-интерпретативных подходов из стран Западной Европы и Америки проходил и через фигуры авторов ПК, которые оказались знаковыми для этого процесса.

Заключение

Интеллектуальные биографии Томаса и Знанецкого обнаруживают переплетения и взаимовлияния, которые оставили значительный след на конфигурации их общего труда. Социально-политическое значение их уже ставшего классическим труда заключается в том, что в контексте американского нативизма они предложили и обосновали совсем иной гуманистический взгляд на этносоциальную структуру в Америке 1920-х годов, в которой царили фашизоидные националистические настроения с ранжированием этногрупп. В научном плане этим

трудом — ПК — утверждался акцент на социальном взаимодействии, в отличие от популярных биологизаторских веяний. В современных терминах Томас и Знанецкий объясняли связь между структурой и агентностью, которая тесно связана с проблемой микро-макро. Установка увязана с агентностью, и ценность ассоциирована со структурой. Знанецкий, который слушал лекции Э. Дюркгейма в Париже, выстроил вместе с Томасом теорию, отличную от структуралистского подхода Дюркгейма, преуменьшавшего значение агентности. Можно сделать вывод, что Томас и Знанецкий теоретизировали ключевые вопросы социальной теории и работали с опережением своего времени.

Отдельное внимание в тексте нами уделено собственно биографиям обоих авторов ПК, поскольку эти события, с одной стороны, лимитировали их научные замыслы, как, например, Первая мировая война или микрособытие личной жизни Томаса, имевшее последствия и для него самого, и для научной карьеры Знанецкого в Америке. С другой стороны, видны непредсказуемые последствия этих событий в той почти постмодернистской конфигурации образа жизни и творчества Томаса, которые дали ему новые регистры свободы. Безусловно, обстоятельства научной биографии обоих авторов наложили свой отпечаток на рецепцию их труда как в самой Чикагской школе, так и на последующее развитие международной качественной социологии.

Наследие У. Томаса и Ф. Знанецкого с запозданием и со сложностями входило в российскую социологию на волне изменений как в стране, так и в поле профессионального социологического знания: первоначально только информационно, в качестве «иного» знания, непривычного и малоприменимого в рамках национального контекста. Только со временем оно стало достоянием теоретического и эмпирического знания. В теоретическом плане эти имена стали значимыми в рамках истории мировой социологии как одно из направлений социал-реформаторской традиции Чикагской школы (Ионин, 2004). А для социологов-практиков это наследие используется либо как пример эмпирической ориентации американской социологической школы, позволяющей собрать социальную информацию, имеющую не только прикладную, но и теоретическую ценность (Баразгова, 1997), либо как деколонизирующие основания польской школы качественных исследований, выстраивающие нациестроительные стратегии посредством биографических конкурсов. Привлечение внимания к научным биографиям обоих авторов позволило обнаружить причины той асимметрии, которая сопровождала дальнейшую научную судьбу обоих авторов, причем в контекстах различных национальных научных школ, и линии рецепций их основного труда.

Литература

- Абельс Х. (1998). Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 1. № 1. С. 114-138.

- Баразгова Е. С.* (1997). Уильям Томас и Флориан Знанецкий: методологические ориентации Чикагской школы. Курс лекций. Американская социология (традиции и современность). Екатеринбург: Деловая книга, Бишкек: Одиссей.
- Беккер Г.* (1961). Современная теория священного и светского // *Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Воронков В.* (2009). О политизации общественных наук // Журнальный зал. № 1(63). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2009/1/vv3.html#_ftn1 (дата доступа: 01.01.2018).
- Ганжа А. О., Зотов А. А.* (2002). Гуманистическая социология Флориана Знанецкого // Социологические исследования. № 3. С. 112-120.
- Готлиб А.* (2002). Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. Самара: Самарский университет.
- Девятко И. Ф.* (2009). Методы социологического исследования: Учебное пособие. М.: УрГУ.
- Знанецкий Ф.* (1989). Мемуары как объект исследования // Социологические исследования. № 1. С. 106-109.
- Знанецкий Ф.* (1996). Исходные данные социологии // Американская социологическая мысль: Тексты / В. И. Добренъков (ред.). М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления. С. 60-76.
- Знанецкий Ф.* (2013). Социальная роль человека знания. Раздел 2. Технологи и мудрецы // Эпистемология и философия науки. Т. XXVII. № 3. С. 213-228.
- Ионин Л. Г.* (1979). Понимающая социология. Исторический и критический анализ. М.: Наука.
- Ионин Л. Г.* (2004). Философия и методология эмпирической социологии. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Кон И.* (ред.) (1979). История буржуазной социологии начала XIX — начала XX века. М.: Наука.
- Мещеркина Е. Ю., Семенова В. В.* (ред.). Биографический метод: история, методология, практика. М.: ИС РАН. С. 51-62.
- Рождественская Е. Ю.* (2004). Устная история и биография: женский взгляд // Устная история, биография и женский взгляд / Е. Ю. Рождественская (ред.). М.: Институт социологии РАН. С. 13-38.
- Рождественская Е. Ю.* (2012). Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Судьбы людей: Россия XX века* (1996). Биографии семей как объект социологического исследования. М.: Институт социологии РАН.
- Семенова В.* (1998). Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет.
- Семенова В. В.* (2009). Качественные методы в социологии // *Ядов В. А.* Стратегия социологического исследования. М.: Омега-Л.
- Томас У., Знанецкий Ф.* (1996). Методологические заметки // Американская социологическая мысль: Тексты / В. И. Добренъков (ред.). М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления. С. 333-355.

- Томас У. (2009). Неприспособленная девушка // *Личность. Культура. Общество* / Пер. В. Г. Николаева. Т. 50. С. 62-77.
- Томпсон П. (1994). Гуманистическая традиция и жизненные истории в Польше // *Биографический метод: история, методология, практика* / Е. Ю. Мещеркина, В. В. Семенова (ред.). М.: ИС РАН. С. 51-62.
- Чеснокова В. Ф. (2010). Язык социологии: курс лекций / В. Ф. Чеснокова. М.: ОГИ.
- Abbott A., Egloff R. (2009). The polish peasant in Oberlin and Chicago // *The American Sociologist*. Vol. 39. P. 217–258.
- Apitzsch U., Inowlocki L. (2000). Biographical analysis: A 'German' school? // *The Turn to Biographical Methods in Social Science* / P. Chamberlayne, J. Bornat, T. Wengraf (eds.). London: Routledge.
- Blumer H. (1939). An appraisal of Thomas and Znaniecki's the Polish Peasant in Europe and America // *Social Science Research Council Bulletin*. Vol. 44. New York. P. 103-106.
- Cravens H. (1988). *The triumph of evolution: The heredity-environment controversy, 1900–1941*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press.
- Deegan M. J., Burger J. S. (1981). W. I. Thomas and social reform // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. Vol. 17. P. 114–125.
- Faris E. (1948). In Memoriam: William Isaac Thomas, 1863–1947 // *Sociology and Social Research*. Vol. 32. P. 755–759.
- Flick U. (2014). *An Introduction to Qualitative Research*. 5th Edition. London: Sage Publications.
- Hawes J. M. (1968). Social scientist and immigration restrictions // *Journal of World History*. Vol. 11. P. 467–482.
- Haerle R. K. (1991). William Isaac Thomas and the Helen Culver Fund for Race Psychology // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. Vol. 27. P. 21–41.
- Hughes E. (1980). Letter to Norbert Wiley, August 15, 1980.
- Janowitz M. (1966). Introduction // *W. I. Thomas on social organization and social personality* / M. Janowitz (ed.). Chicago: University of Chicago Press. P. vii–lviii.
- Konecki K., Kacperczyk A., Marciniak L. (2005). Polish Qualitative Sociology: The General Features and Development [43 paragraphs] // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 6. № 3. Art. 27. Available at: <http://nbnresolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs0503270> (accessed 17 November 2022).
- Merton R. K. (1995). The Thomas theorem and the Matthew effect // *Social Forces*. № 74. P. 379–424.
- Murray S. O. (1988). W. I. Thomas, Behaviorist Ethnologist // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. № 24. P. 381–391.
- Pickus N. (2005). *True faith and allegiance: Immigration and American civic nationalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Raushenbush W. (1979). Robert E. Park. Durham: Duke University Press.
- Rozhdestvenskaya E., Semenova V. (2019). Florian Znaniecki heritage in the context of Russian discourse // *Sociological Review*. Vol. 68. № 4. P. 149-169

- Ross W. (1994). *Forging new freedoms: Nativism, education, and the constitution, 1917–1927*. Omaha, NE: University of Nebraska Press.
- Szczepański J. (1971). *Odmiany czasu terażniejszego*. Warszawa: Książka i Wiedza.
- Thomas E. A. (1986). *The Sociology of W. I. Thomas in relation to 'The Polish Peasant'*. Unpublished PhD Dissertation. Iowa: University of Iowa.
- Thomas W. I. (1896). The scope and method of folk psychology // *American Journal of Sociology*. № 1. P. 434–445.
- Thomas W. I. (1897). On a difference in the metabolism of the sexes // *American Journal of Sociology*. № 3. P. 31–63.
- Thomas W. I. (1901). "The Gaming Instinct" // *American Journal of Sociology*. № 6. P. 750–763.
- Thomas W. I. (1904). The psychology of race-prejudice // *American Journal of Sociology*. № 9. P. 593–611.
- Thomas W. I. (1907). *Sex and Society: Studies in the Social Psychology of Sex*. Chicago: University of Chicago Press.
- Thomas W. I. (1912). Race psychology: standpoint and questionnaire // *American Journal of Sociology*. № 17. P. 725–775.
- Thomas W. I., Thomas D. S. (1928). *The child in America*. New York: Knopf.
- Thomas W. I. (1936). *Primitive Behavior. An Introduction to the Social Sciences*. New-York: McGraw-Hill Book Company, Inc.
- Thomas W. I. (1966). *On Social Organization and Social Personality. Selected papers*. Phoenix Books/The University of Chicago Press.
- Thomas W. I., Znaniecki F. (1918–1920). *The Polish Peasant in Europe and America* (Vol.5). Boston: Richard G. Badger.
- Thomas W. I., Znaniecki F. (1918–1921). *The Polish Peasant in Europe and America*. Vols 1, 2, Chicago: University of Chicago Press. Vols 3–5, Boston: Richard G. Badger.
- Thomas W. I., & Znaniecki F. (1927). *The Polish Peasant in Europe and America* (2nd ed.). New York: Knopf.
- Wiley N. (2015). The Chicago School: A Political Interpretation // *Blue Ribbon Papers: Interactionism: The Emerging Landscape*. Emerald Publishing. Vol.36. P. 39–74.
- Wiley N. (1979). The rise and fall of dominating theories in American sociology // *Contemporary issues in theory and research* / W. E. Snizek et al. (eds). Westport, CT: Greenwood Press. P. 47–79.
- Wiley N. (1986). Early American sociology and the Polish peasant // *Sociological Theory*. № 5(Spring). P. 21–40.
- Wiley N. (2006). Peirce and the founding of American sociology // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 6. № 1. P. 23–50.
- Wiley N. (2007). Znaniecki's key insight: The merger of pragmatism and neo-Kantianism // *Polish Sociological Review*. № 4. P. 133–144.
- Young K. A. (1963). *The contribution to W. I. Thomas to Sociology*. Los Angeles: University of Southern California Press.

Znaniiecki F. (1920). Intellectual America // The Atlantic Monthly. №125(February). P. 188–199.

Znaniiencki F. (1934). The Data of Sociology, In: Znaniiecki F. V. The Method of Sociology, N. Y. P. 90-136.

“The Polish Peasant in Europe and America”: socio-political, biographical and scientific contexts

Elena Rozhdestvenskaya

Professor, Dr. of Sociology Hab., Faculty of Social Sciences in National Research University Higher School of Economics (HSE), Leading Researcher in Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, 101000 Russian Federation
E-mail: erozhdestvenskaya@hse.ru

Victoria Semenova

Doctor of Sociological Sciences, Professor GAUGN (State Academic University for the Humanities), Chief Researcher in Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow
Address: Krzhizhanovskogo Street, 24/35, korpus 5, Moscow, 117218, Russia
E-mail: victoria-sem@yandex.ru

The authors focus on the history of the famous sociological work *The Polish Peasant in Europe and America*, as well as on the biographies of both authors, William Thomas and Florian Znaniiecki. The combination of biographical analysis with socio-political context and the work in the genre of scientific biography makes it possible to understand not only the background of the creation of this major sociological project, but also to clarify the role of the sociologist-intellectual in social life. The appeal to the nonlinear fate of this work was stimulated by the drama of its realization and perception by the scientific public. The authors, relying on contemporary scientific commentaries, reconstruct this process from the description of the socio-political context, the strategies of the scientific careers of both authors till biographical facts, and the result of their common work.

Discussing the process of transition of scientific knowledge, the authors consider the reception of the ideas of W. Thomas and F. Znaniiecki during the process of perception and rooting of qualitative-interpretive sociology in Russia. Here, the ways of concepts and ideas transitioning themselves acquire significant interest, i.e., not only the translation of certain scientific works, but the very order of embedding ideas in the context of the ‘host’ scientific environment. More specifically, we consider the phenomenon of asymmetry (more Znaniiecki, less Thomas), which accompanied the further scientific fate of both authors in the context of various national scientific schools, and primarily in Russia.

Keywords: *Polish Peasant in Europe and America*, scientific biography, William Thomas, Florian Znaniiecki, Chicago School, Russian qualitative sociology

References

- Abbott A., & Egloff R. (2009) The polish peasant in Oberlin and Chicago. *The American Sociologist*, 39. P. 217–258.
- Abel’s H. (1998) Romantika, fenomenologicheskaja sociologija i kachestvennoe social’noe issledovanie [Romance, phenomenological sociology and qualitative social research]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, no 1, pp.114-138.
- Abbott A., & Egloff R. (2009) The polish peasant in Oberlin and Chicago. *The American Sociologist*, 39. P. 217–258.

- Apitzsch U., Inowlocki L. (2000) Biographical analysis: A 'German' school? *The Turn to Biographical Methods in Social Science* (eds. Chamberlayne P., Bornat J., Wengraf T). London: Routledge.
- Barazgova E. S. (1997) *Uil'jam Tomas i Florian Znanecki: metodologicheskie orientacii chikagskoj shkoly. Kurs lekcij. Amerikanskaja sociologija (tradicii i sovremennost')* [William Thomas and Florian Znanecki: Methodological Orientations of the Chicago School. Lecture course. American Sociology (Tradition and Modernity)], Ekaterinburg: «Delovaja kniga», Bishkek: «Odissej».
- Bekker G. (1961) *Sovremennaja teorija svjashhennogo i svetskogo* [Modern Theory of Sacred and Secular] Bekker G., Boskov A. *Sovremennaja sociologicheskaja teorija v ee preemstvennosti i izmenenii* [Modern sociological theory in its continuity and change]. M.: Publishing house of foreign literature.
- Blumer H. (1939) An appraisal of Thomas and Znanecki's the Polish Peasant in Europe and America. *Social Science Research Council Bulletin*, no 44, New York, pp.103-106.
- Chesnokova V. F. (2010) *Yazyk sotsiologii: kurs lektsiy* / V. F. Chesnokova. M.: OGI.
- Cravens H. (1988) *The triumph of evolution: The heredity-environment controversy, 1900-1941*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press.
- Deegan M. J., & Burger J. S. (1981) W. I. Thomas and social reform. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, no 17, pp. 114-125.
- Devjatko I. F. (2009) *Metody sociologicheskogo issledovanija* [Methods of sociological research]. Uchebnoe posobie [Textbook]. M., UrGU.
- Faris E. (1948) In Memoriam: William Isaac Thomas, 1863-1947. *Sociology and Social Research*, no 32, pp. 755-759.
- Flick U. (2014) *An Introduction to Qualitative Research*. 5th Edition, Sage Publications, London.
- Ganzha A. O., Zotov A. A. (2002) Gumanisticheskaja sociologija Floriana Znaneckogo [Humanist sociology by Florian Znanecki]. *Sociological research*. no 3, pp. 112-120.
- Gotlib A. (2002) *Vvedenie v sociologicheskoe issledovanie: kachestvennyj i kolichestvennyj podhody* [Introduction to Sociological Research: Qualitative and Quantitative Approaches]. Samara: Samarskij universitet.
- Haerle R. K. (1991) William Isaac Thomas and the Helen Culver Fund for Race Psychology. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, no 27, pp. 21-41.
- Hawes J. M. (1968) Social scientist and immigration restrictions. *Journal of World History*, no 11, pp. 467-482.
- Hughes E. (1980) *Letter to Norbert Wiley*, August 15, 1980.
- Ionin L. G. (1979) *Ponimajushhaja sociologija. Istoricheskij i kriticheskij analiz* [Ponimajushhaja sociologija. Istoricheskij i kriticheskij analiz]. M: Nauka.
- Ionin L. G. (2004) *Filosofija i metodologija jempiricheskij sociologii* [Philosophy and methodology of empirical sociology]. M.: Izdatel'skij dom GU VShJe.
- Janowitz M. (1966) Introduction. Janowitz M. (ed.). *W. I. Thomas on social organization and social personality* (pp. vii-lviii). Chicago: University of Chicago Press.
- Kon I. (ed.) (1979) *Istorija burzhuaznoj sociologii nachala XIX- nachala XX veka* [History of bourgeois sociology of the beginning of the 19th century - the beginning of the 20th century]. M: Nauka.
- Konecki K., Kacperczyk A. & Marciniak L. (2005) Polish Qualitative Sociology: The General Features and Development [43 paragraphs]. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*, 6(3), Art. 27. Available at: <http://nbnresolving.de/urn:nbn:de:0114-fqso503270> (accessed 17 November 2022).
- Merton R. K. (1995) The Thomas theorem and the Matthew effect. *Social Forces*, no 74, pp. 379-424.
- Meshherkina E., Semenova V. (eds) (1994) *Biograficheskij metod: istorija, metodologija, praktika* [Biographical method: history, methodology, practice], M.: Sociology Institute RAN.
- Murray S. O. (1988) W. I. Thomas, Behaviorist Ethnologist. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, no 24, pp.381-391.
- Pickus N. (2005) *True faith and allegiance: Immigration and American civic nationalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rausenbush W. (1979) *Robert E. Park*. Durham: Duke University Press.
- Ross W. (1994) *Forging new freedoms: Nativism, education, and the constitution, 1917-1927*. Omaha, NE: University of Nebraska Press.

- Rozhdestvenskaja E. Ju. (2004) Ustnaja istorija i biografija: zhenskij vzgljad [Oral history and biography: a female perspective]. Rozhdestvenskaja E. Ju. *Ustnaja istorija, biografija i zhenskij vzgljad* [Oral history, biography and female perspective]. M.: Institut sociologii RAN, pp. 13-38.
- Rozhdestvenskaja E. Ju. (2012) *Biograficheskij metod v sociologii* [Biographical method in sociology]. M.: Izd.Dom VShJe.
- Rozhdestvenskaja E., Semenova V. (2019). Florian Znaniecki heritage in the context of Russian discourse. *Sociological Review*, vol. 68, no. 4, pp. 149-169.
- Semenova V. (1998) *Kachestvennyye metody: vvedenie v gumanisticheskiju sociologiju* [Qualitative Methods: An Introduction to Humanistic Sociology], M: Dobrosvet.
- Semenova V. V. (2009) *Kachestvennyye metody v sociologii* [Qualitative methods in sociology]. Jadov V. A. *Strategija sociologicheskogo issledovanija* [Sociological research strategy]. M: Omega-L.
- Sud'by ljudej: Rossija XX veka* [Fates of people: Russia of the XX century] (1996) Biografii semej kak ob#ekt sociologicheskogo issledovanija [Biographies of families as an object of sociological research]. M.: Institut sociologii RAN.
- Szczepański J. (1971) *Odmiany czasu terazniejszego*. Warszawa: Książka i Wiedza.
- Thomas E. A. (1986) *The Sociology of W.I. Thomas in relation to 'The Polish Peasant.'* Unpublished PhD Dissertation. Iowa: University of Iowa.
- Tomas W. I. (2009) Neprisposoblennaja devushka [The Unadjusted Girl]. *Personality. Culture. Society* / Translated by Nikolaev V. G., T.50, pp. 62-77.
- Tomas W. I., Znaniecki F. (1996) Metodologicheskie zametki [Methodological notes]. *Amerikanskaja sociologicheskaja mysl': Teksty* [American Sociological Thought: Texts] / Ed. V. I. Dobren'kov). M.: Izd. Mezhdunarodnogo un-ta Biznesa i Upravljenja, pp. 333-355.
- Thomas W. I. (1896) The scope and method of folk psychology. *American Journal of Sociology*, 1, pp. 434-445.
- Thomas W. I. (1897) On a difference in the metabolism of the sexes. *American Journal of Sociology*, no 3, pp. 31-63.
- Thomas W. I. (1901) "The Gaming Instinct". *American Journal of Sociology*, no 6, pp. 750-63.
- Thomas W. I. (1904) The psychology of race-prejudice. *American Journal of Sociology*, no 9, pp. 593-611.
- Thomas W. I. (1907) *Sex and Society: Studies in the Social Psychology of Sex*. Chicago: University of Chicago Press.
- Thomas W. I. (1912) Race psychology: standpoint and questionnaire. *American Journal of Sociology*, no 17, pp. 725-775.
- Thomas W. I., & Thomas D. S. (1928) *The child in America*. New York: Knopf.
- Thomas W. I. (1936) *Primitive Behavior. An Introduction to the Social Sciences*. New-York: McGraw-Hill Book Company, Inc.
- Thomas W. I. (1966) *On Social Organization and Social Personality*. Selected papers. Phoenix Books/ The University of Chicago Press.
- Thomas W. I., & Znaniecki F. (1918-1920) *The Polish Peasant in Europe and America*, Vol.5. Boston: Richard G. Badger.
- Thomas W. I., & Znaniecki F. (1918-1921) *The Polish Peasant in Europe and America*. Vols 1, 2, Chicago: University of Chicago Press. Vols 3-5, Boston: Richard G. Badger.
- Thomas W. I., & Znaniecki F. (1927) *The Polish Peasant in Europe and America* (2nd ed.). New York: Knopf.
- Tompson P. (1994) *Gumanisticheskaja tradicija i zhiznennye istorii v Pol'she* [Humanistic tradition and life stories in Poland]. Meshherkina E., Semenova V. (eds) *Biograficheskij metod: istorija, metodologija, praktika* [Biographical method: history, methodology, practice], M.: IS RAN, pp.51-62.
- Voronkov V. (2009) O politizacii obshhestvennyh nauk [On the politicization of the social sciences]. *Journal room*, no 1(63). Available at: http://magazines.russ.ru/nz/2009/1/vv3.html#_ftn1 (accessed 01.01.2018).
- Wiley N. (1979) The rise and fall of dominating theories in American sociology. Snizek W. E. et al. (eds). *Contemporary issues in theory and research*. Westport, CT: Greenwood Press, pp. 47-79.

- Wiley N. (1986) Early American sociology and the Polish peasant. *Sociological Theory*, no 5(Spring), pp. 21–40.
- Wiley N. (2006) Peirce and the founding of American sociology. *Journal of Classical Sociology*, no 6 (1), pp. 23–50.
- Wiley N. (2007) Znaniecki's key insight: The merger of pragmatism and neo-Kantianism. *Polish Sociological Review*, no 4, pp. 133–144.
- Wiley N. (2015) The Chicago School: A Political Interpretation. Blue Ribbon Papers: *Interactionism: The Emerging Landscape*. Emerald Publishing, Vol.36, pp. 39-74.
- Young K. A. (1963) *The contribution to W. I. Thomas to Sociology*. Los Angeles: University of Southern California Press.
- Znaniecki F. (1920) Intellectual America. *The Atlantic Monthly*, 125(February), pp. 188–199.
- Znaniencki F. (1934). The Data of Sociology, In: Znaniecki F.V. *The Method of Sociology*, N.Y. p. 90-136.
- Znanecki F. (1989) Memuary kak ob#ekt issledovanija [Memoirs as an object of research]. *Sociological research*, no 1, pp.106-109.
- Znanecki F. (1996) Ishodnye dannye sociologii [Sociology's initial data]. *Amerikanskaja sociologicheskaja mysl': Teksty* [American Sociological Thought: Texts] / Ed. V. I. Dobren'kov). M.: Izd. Mezhdunarodnogo un-ta Biznesa i Upravljenija, pp. 60-76.
- Znanecki F. (2013) Social'naja rol' cheloveka znaniija [The Social Role of the Man of Knowledge]. Razdel 2. *Tehnologi i mudrecy. Jepistemologija i filosofija nauki* [Section 2. Technologies and sages. Epistemology and Philosophy of Science]. Т. HHY11, no 3, pp. 213-228.